

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Встреча с Н. Г. Помяловским

«Дородная, широкоплечая фигура молодого человека лет тридцати с серыми, несколько воспаленными глазами, густыми волосами, зачесанными вверх, и с характеристичным шрамом на щеке вследствие золотухи даст читателю приблизительное понятие о внешнем виде нашего даровитого и преждевременно угасшего автора „Мещанского счастья“, „Молотова“, „Бурсы“, „Брата и сестры“ и проч...»

**Николай Васильевич
Успенский**

Встреча с Н. Г. Помяловским

Дородная, широкоплечая фигура молодого человека лет тридцати с серыми, несколько воспаленными глазами, густыми волосами, зачесанными вверх, и с характеричным шрамом на щеке вследствие золотухи даст читателю приблизительное понятие о внешнем виде нашего даровитого и преждевременно угасшего автора «Мещанского счастья», «Молотова», «Бурсы», «Брата и сестры» и проч.

Однажды я услышал порывистый звон колокольчика в передней своей квартиры и разговор со служанкой:

– Здесь живет Николай Васильевич Успенский?

– Здесь, сударь... а вам что угодно?

– Прежде всего позвольте мне снять с своих сапогов «водохлебы», то есть калоши, а потом познакомиться с вашим жильцом... Николай Васильевич! Рекомендуюсь... Помяловский... входя в мою комнату, густым басом возвестил посетитель.

Я горячо обнял нашего незабвенного писателя.

– Посылай за тминной, – сказал он, садясь

на диван, – тебе, брат, посчастливилось... ты знаешь народ... а мне, кроме кладбищенства да столичной суматохи, ничего не пришлось изведать...

– Да ведь и это хорошо, Николай Герасимович, – сказал я, отдавая кухарке приказание относительно тминной.

– Да, брат! – продолжал Николай Герасимович. – Бурса наложила на меня такие вериги принижения человеческой личности, что я никак не могу ориентироваться среди непроглядной и грозной тучи «вопросов жизни»... а в конце концов, по примеру многих своих соотечественников, я стал искать *Veritas in... vino*[1]... тем более что такой авторитет, как Николай Алексеевич Некрасов, уверяет каждого из своих сотрудников, что на Руси жить хорошо одному только *пьяному*. Вот пьянство и сделалось мне широковещательным знаменем, под которым я считаю своей обязанностью стоять и даже этим знаменем гордиться...

Николай Герасимович прошелся по комнате и прогремел замечательным басом: «А жена да боится своего му-у-у-жа!».

– Слушай, Успенский, – вдруг обратился ко

мне с вопросом Помяловский, – ведь мы с тобой сила... не правда ли? Давай бросим литературу!.. Ведь ты очень хорошо знаешь, что ее судьбами заправляют эксплуататоры, которые высасывают из нас кровь...

– Ну, а чем же мы с вами будем заниматься?

– Во-первых, откроем булочную... Это, я тебе скажу, очень выгодно... потому тут главную роль играет припек... затем сами будем издавать какой-нибудь дневник или газету...

В один ненастный осенний вечер я получил известие, что Николай Герасимович скончался в клинике на Выборгской стороне. Я поторопился «отдать последнее целование» незабвенному собрату, труп которого покоился на красном столе в ожидании вскрытия, которое производил знаменитый анатом Грубер, окруженный многочисленной толпой студентов.

Какие результаты обнаружило вскрытие, мне неизвестно...

Примечания

Истину в... вине (*лат.*)

[^^^]